

УДК 001.38
DOI: 10.17223/1998863X/55/29

А.Ю. Антоновский

БОЙТЕСЬ НАУКИ, ДАРЫ ПРИНОСЯЩЕЙ¹

Предложена критика идеи мифического обоснования «науки как дара». Даже если согласиться с тем, что «подлинная мораль» состоит не в правильных поступках, а в сохранении достоинства в условиях несправедливости, это не решает главную проблему обоснования ценностей. Понимание справедливости, как и любой другой ценности, зависит от нормативности, специфической для некоторого конкретного сообщества. В этом смысле ценности интегрируют лишь в малых масштабах, но дезинтегрируют в больших.

Ключевые слова: системно-коммуникативная теория наук, этика науки, история науки, научное сообщество, наука как профессия и призвание

Введение

Морализация в области научной деятельности, ее подчинение универсальной морали противоречит вопиющим фактам индифферентности ученых по отношению к моральным нормам. Можно, конечно, рассматривать науку нацистской Германии как аномалию. Но и «достойные» ученые в этом отношении не являются исключениями. Достаточно вспомнить о предложении Луи Пастера испытывать вакцины от бешенства на приговоренных к смерти [1] и опытах Павлова над беспризорниками [2]. Можно ли упрекать в таком случае общество, не желающее без лишних мер предосторожности «принимать этот дар, предлагаемый наукой», от ученых, которых не заботит ничего, кроме приоритета собственных открытий²?

Во многом научная «релятивизация» общественной морали³, возможно, как раз является следствием той самой корпоративной научной этики, главная задача которой — определить «правила игры» *внутри* ученого сообщества. И эти правила во многом явились условием выживания и «эволюционной стабилизации» самого научного сообщества⁴. В таком смысле «некорректные заимствования» в рамках этого кодекса выступают гораздо большим прегрешением и более опасны для воспроизводства научного сообщества, нежели противоречия с так называемой универсальной моралью, в отношении которой и у самого общества сегодня нет согласия.

Сегодня как никогда очевидно, что ценности не объединяют, а разъединяют. Все этно-религиозные войны суть следствия «политеизма ценностей»,

¹ Статья написана при поддержке РФФИ, грант 19-18-00494 «Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание».

² Желание Пастера форсировать создание прививки от бешенства, инфицируя заключенных, как раз и было инспирировано соперничеством с его главным конкурентом Робертом Кохом, который, кстати, в этой гонке за приоритеты и сам не постеснялся выставить на рынок клинически не испытанный «туберкулин», лишь усугублявший страдания больных.

³ См. дискуссию, посвященную данной теме: [3–5].

⁴ Об эволюционных механизмах (варьировании, селекции, стабилизации) научной коммуникации в контексте неodarвинизма см.: [6, 7].

эффекты которого так хорошо описал Макс Вебер в своем манифесте¹. И пытаться посредством «архитепического примера» «профессиональной научной этики» осуществить «соразмерение последней с общечеловеческими ценностями», сегодня функционирующими вхолостую, выглядит контрпродуктивно. Универсальная мораль просто несовместима с целым множеством «корпоративных этик» как кодексов обособившихся коммуникативных систем². Если и остались какие-то объединяющие ценности, которые могут выступить условием социального консенсуса в дифференцированном обществе, то это, скорее, стратегия невмешательства в чужие дела. Наука не лезет в религию со своим рациональным обоснованием религиозной онтологии, а политика не лезет в науку со своими различиями «пролетарских наук» и «продажных девок империализма».

Перейдем разбору дальнейших аргументов. Во-первых не хочется соглашаться с тезисом о «запредельной природе этического дискурса», как и с тем, что у этического суждения отсутствует денотат. Дело даже не только в том, что этот тезис выводит всю социальную теорию, собственно, и изучающую *природу и законы нормативности*, за дисциплинарные стандарты обычной науки. Если сфера должного действительно трансцендентна, то социальная теория в этом смысле была бы социальной теологией. Ценности, конечно, отличаются от ассерторических суждений. Мы можем согласиться с Х. Риккертом и признать, что они *не обладают бытием, а просто «значат»*. Но это и подразумевает, что у них есть собственные значения, или денотаты³.

Все это не позволяет нам выводить «этику как сферу должного за пределы фактичности». Очевидная «посюсторонность» этики заставляет нас отказаться от того, чтобы, основываясь на ее гипотетической «запредельности», также утверждать мифический фундамент для легитимации науки. И в целом такая апелляция к когнитивным ресурсам мифологического сознания, в числе которых прежде всего запрет на вопрошание, на аналитическую и сравнительную методологию, вызывает сомнения в их продуктивности и убедительности.

Мифическое сознание, как известно со времени Курта Хюбнера, по своей природе исключительно синтетично. И всякое апеллирующее к мифу обоснование, избегающее логического круга, может быть только ненаучным. Это не смущает И.Т. Касавина, но, напротив, расценивается как некая гарантия надежности. Ведь это позволяет избежать логического круга. Но все-таки наука по самой своей сути *автологична*. Уже простое определение понятия, как доказал Куайн, синонимично и в этом смысле имеет круговой характер. Такая *автология* никак не мешает применять научные методы анализа для

¹ Лучше Вебера не скажешь: «Древние боги... принявшие образ безличных сил, выходят из могил, стремятся завладеть нашей жизнью и вновь начинают вести между собой свою вечную борьбу» [8. S. 101; 9].

² Можем ли мы подвести под общий знаменатель политику с ее «патриотизмом» и «ценностями государственности», хозяйство с его утилитаризмом, сакральные ценности религии, искусство с его «отрицанием старых форм», систему права с ее правовым фундаментализмом, наконец, науку, которая за всеми этими ценностями, как замечает И.Т. Касавин, видит лишь исторические (т.е., по существу, преходящие и контингентные) формы социальности?

³ И в истинности ценностных значений можно убедиться, если соотносить их пусть не с классическим денотатом как «производителем истинности» (truth-maker), но с денотатом особого рода — неким «производителем ценности» (wish-maker). Суждение «свобода лучше несвободы» будет истинным, если зафиксирован факт, что высказывающий и сам желает такой свободы.

обоснования и оправдания наукой самой себя. То, что наука постулирует для своего объекта, а именно возможность его рационального анализа, она вполне может применить и в анализе самой себя. При этом ей вовсе не обязательно полагать себя как *абсолютно*¹ обоснованную. Достаточно рассмотреть саму себя как одну из соравноправных форм социальности в полицентричном мире.

Обращение к абсолюту. Должна ли наука основываться на морали?

Впрочем, и мораль, как и наука, требует для себя *автологического* обоснования. Если морализатор вводит соответствующие моральные различия, он и сам должен быть моральным. Вопрос лишь в том, почему *сама* мораль (различение *морального* / *аморального*) должна оцениваться как моральный институт (а не противный морали), т.е. как относящаяся именно к первому (позитивному) полюсу своего базового различия. Как известно, мораль, чтобы оправдаться в своей моральности, обращалась к *абсолютному* обоснованию – религии, в которой этот вопрос обосновывается таинством. Так решил Бог по только ему ведомому основанию. При этом сам себя Бог, как известно, исключает из парадокса автологии. Он как абсолют, как неограниченное и совершенное начало дефинитивно не допускает в себе внутренних дистикций и тем сам не морализуется как плохой или хороший. «Тот из вас (*не из нас!*), кто без греха, пусть первым бросит в нее камень». Мораль прибегала к абсолюту, чтобы решить (а точнее, затемнить) парадокс моральности самой морали. Но религия, обоснованная тайной («неисповедимы пути Господни»), сегодня не воспринимается как моральный фундамент.

Должна ли наука уподобиться морали и также – перформативно утверждая свою неполноценность – искать себе абсолютных (и в этом смысле едва ли рациональных) оснований?

Обоснование рациональности и само рационально

«Как ни парадоксально, но обоснование рациональности не может быть полностью рационально», – пишет И.Т. Касавин.

Но все ли так безнадежно? Конечно, если придерживаться мифического обоснования авторитета науки, то вся эта процедура завершалась бы ссылкой на соответствующее *arche* (или *origo*), т.е. на некое установление, которое положило начало тому или иному институту или порядку природы. Но разве исчерпаны ресурсы и самого обосновываемого феномена? Почему не задействовать саму научную рациональность, ресурсы критического дискурса и сравнительного анализа с целью легитимации науки?

Наука, конечно, прибегая к автологии или круговому обоснованию, вполне способна сравнить себя с другими формами социальности: хозяйством, политикой, искусством, той же религией, правом и даже семейно-интимными системами коммуникации на предмет экспликации собственных когнитивных и коммунитаристских преимуществ.

¹ Абсолют, как известно, не допускает ничего, кроме себя, никаких внутренних различий и никаких внешних форм его наблюдения. Наука же допускает свое внешнее наблюдение (той же политикой, которая исчисляет научные исследования и финансирует их).

Это требует типологических сравнений науки с конкурирующими и комплементарными ей сообществами. Это сравнение вполне может осуществить и сама наука в своих частных формах, скажем, социологии или философии науки. Они давно этим занимаются, эксплицируют уникальные социальные функции науки (исследование), фиксируют ее конкретные достижения (продукты, поставляемые наукой другим системам), анализируют ее рефлексивные способности, констатированность научного дискурса, ее ресурсы антиципации внутрисистемных и внешнемировых событий, коннективность системных элементов (т.е. коммуникативную интеграцию науки как сообщества), степень и виды мотивированности ученых (научное призвание), внутреннюю дифференциацию и специализацию (обеспечивающие «широкополостную» переработку сложности внешнего мира), восприимчивость к опасностям из внешнего мира, способности хеджировать исследовательские риски и оптимизировать собственные наблюдательные ресурсы (понятия, теория, методы).

Все это в сумме и будет той самой искомой легитимацией науки как «наилучшим образом» – когнитивно и нормативно-организованного сообщества. Эти вещи в отношении научной деятельности довольно хорошо разработаны. Классическим примером такого кругового и автологического – и при этом рационального – самообоснования, как известно, стала методология исследовательских программ Лакатоса, которая и к самой себе применила требования, предъявляемые к анализируемому объекту. И идеи «хорошей» науки Куна здесь так же полезны, как и идеи Мертона и Полани, фиксировавших коммунитарные преимущества науки.

А нужна ли легитимация науке?

Но И.Т. Касавин не хочет использовать рациональные аргументы, ссылаясь на их неубедительность для неученой публики: «фундаментальной науке в большинстве стран сегодня не хватает рациональных аргументов для обеспечения конкурентного финансирования и общественного авторитета».

С этим тезисом можно лишь частично согласиться. Все-таки для финансирования исследований (в особенности фундаментальных) сегодня в развитых странах выделяются значительные проценты национальных бюджетов. Да, наука – это высококонкурентная область. Поэтому и бюджетирование осуществляется неравномерно. Профессия ученого (как и в спорте высоких достижений) требует полной иммерсивности и сопряжена с высоким риском исследовательских неудач. И это радикально отличает науку от других профессий, делает инклюзию в научное сообщество, скорее, маловероятной, притом что эксклюзирование из него оказывается в порядке вещей.

Но все это вовсе не свидетельствует о том, что общество жалеет денег на науку. Плодить ученых – еще не означает плодить открытия. Здесь проявляется та же самая иллюзия, которая заставляет подкармливать птиц в надежде уменьшить число больных и голодных. Однако эта помощь, очевидно, эфемерна, поскольку при общем росте популяции больных и голодных становится как раз не меньше, а больше. В этом смысле сама постановка вопроса о некой *дополнительной* апологии и легитимации науки (по крайней мере мировой) выглядит не слишком актуальной.

Тезис об иллюзии этического кодекса, противоречащего индивидуальному выбору

Любопытной в этом контексте выглядит своеобразная интерпретация коммунитаристского аргумента Мертона, а именно тезиса о том, что коллективное поведение в науке и единство ее сообщества «создает лишь иллюзию этического кодекса: он не предполагает индивидуального ответственного выбора».

С тезисом об иллюзии этического кодекса как противопоставленного индивидуальному ответственному выбору мы не можем согласиться. Корпоративная этика науки не только не противоречит нововременному индивидуализму, но задействует его как мощнейший корпоративно-этический ресурс. Научная этика ориентирована на социальную функцию науки – осуществление научного исследования – и выкристаллизовалась в процессе долгой эволюции в ходе становления – ряда *невероятных* общественных предпосылок науки.

Такой общественной предпосылкой науки являются та позитивная оценка и то одобрение, которыми научное сообщество сопровождают всякую критику (т.е. недооценку и неодобрение!) достижений своих членов, не исключая актуальные научные стандарты, методы, теории, обоснованность экспериментальных данных и т.д. В этом смысле *индивидуальный* акт отклонения от *коллективного* согласия в науке является пусть рискованным, но общностно-одобряемым поведением.

То, что в целом критика и вытекающие из нее отклонения «запросов на контакты» (в особенности предложения рукописей в журналы) считаются высоко полезным делом, хотя и противоречат всем принципам консенсуса, объясняется только одним обстоятельством. Тем, что наука, специализируясь на научном исследовании, словно отказывается от индивидуального *авторства* высказывания. А значит, критикующему лицу мы не можем вменить какой-то мизантропии или социопатии. Оппонента критикует не ученый, а, если так можно сказать, сама природа. Возможно, поэтому и профессия ученого так долго не имела даже и названия. Ведь ученый не является автором истины (в отличие от автора произведения, политического решения или экономического проекта).

При этом всякая попытка организовать консенсус (например, договориться о принятии рукописи) рассматривается как коррупция и преследуется внутренней «научной полицией» как блюстителем «научной этики». Так, сегодня, например, представители Диссернета и прочие «волонтеры», безусловно, решают *личные* задачи, т.е. как раз и осуществляют тот самый искомый «*индивидуальный ответственный выбор*», когда в условиях переизбытка научной комплексности (количества и качества научных текстов) защищают *корпоративную* этику науки.

Тезис о разрыве внутренней и внешней истории и этики науки

Общая идея И.Т. Касавина в том, что в процессе легитимации науки нужно двигаться с двух сторон – исследовать внешнюю и внутреннюю историю науки. Внутренняя история не генерирует признания и «не укореняется в мифе». Согласимся с тем, что существуют трудности в формировании при-

звания в современном «расколдованном» мире. Речь идет об известной веберовской проблеме [8. S. 101; 10]. И все-таки ее решение И.Т. Касавиным не представляется неуязвимым.

Внешняя история науки, универсальные профессиональные стандарты, необходимость, основанная на абсолюте, корпоративная этика – все это противопоставляется внутренней истории науки, ее атомизации, контингентности выбора, индивидуальному призванию, эконцентризму и бунту против абсолюта. Это размежевание хорошо как схема, организующая понимание науки с точки зрения внутренних и внешних факторов или условий. Но все-таки если понимать науку с точки зрения ее системно-коммуникативного контекста и подхода, который каждую систему общения рассматривает как автономную и конституированную исключительно собственными – внутренними – системными событиями, картина выглядит несколько иначе.

Наука, очевидно, представляет собой социальный институт, бинарно организованный вокруг двух задач [11. S. 636; 12]. Во-первых, вокруг «внутренней функции». Речь о том, что дает наука обществу. И во-вторых, вокруг «научных достижений», когда речь идет о том, чем некоторая дисциплина или междисциплинарное исследование содействуют ее конкретному контрагенту: индустрии (технологии), политике (национальный престиж), образованию (контент для преподавания). В этом случае этика науки как способ организации и интеграции научного сообщества словно сама собой вытекает из этого разделения означенных *функции* и *достижений*. Именно функция (научное исследование как таковое) делает возможным иерархию дисциплин, которые, ориентируясь на иерархически-слоистый характер уровней реальности (физической, химической, биологической, психической, социальной и т.д.), обеспечивают искомую *интеграцию* науки. Химики ориентируются на стандарты физики, а биологи на стандарты химии. Представители социально-гуманитарных дисциплин, хотя бы они этого или нет, в свою очередь вынуждены собственное знание, как и методы его получения (и не в последнюю очередь структуру и принципы коммуникации своих коллективов и учреждений [12]) подстраивать под стандарты естественных наук. Такова иерархия наук, где одни науки (возникшие ранние, более развитые, авторитетные и фундаментальные), собственно, и задают интегрирующие научное сообщество правила научной работы и дух корпоративной этики [13].

Эту интегрирующую функцию науки выполняют сегодня трансдисциплинарные тенденции в науке (математизация, информатизация, теория систем, структурализм и т.д.). Они объединяют сообщество уже фактом общения и совместной работы представителей разных дисциплин, перформативно связывая дисциплинарно и социально фрагментированные коллективы друг с другом.

Менее выражены интеграционные возможности *междисциплинарных исследований*, которые чаще всего принимают формы временных, окказиальных, контингентных проектов, объединяя представителей различных дисциплин исключительно *по запросу из внешних наук коммуникативных систем*, прежде всего хозяйства или политики (в особенности в вопросах безопасности или обороны). Но даже эти по видимости внешним образом ориентированные прикладные исследования лишь поверхностному наблюдателю покажутся частью «внешней истории» науки.

Возвращаясь к нашему примеру спора между Пастером и Кохом, мы видим, что инспирированные *внешними* потребностями прикладные задачи (иммунология) дали рождение микробиологии как фундаментальной дисциплины. А микробиология на основе своего *внутреннего* предметного интереса, в свою очередь, обеспечила современные достижения иммунологии и решила многие прикладные задачи для сельского хозяйства, здравоохранения и т.д. В этом смысле дистинкция *прикладное / фундаментальное* как выражение различия между функцией и достижениями науки есть *внутренняя* дистинкция самой науки, и она сама по себе обеспечивает интеграцию и соответствующую – внутренним образом конституированную – корпоративную этику.

Литература

1. Jougl A. Profession: animal de laboratoire. Paris, 2015.
2. Ющенко А. А. Условные рефлексы ребенка. Опыт изучения физиологии больших полушарий ребенка секреторно-двигательным методом. М. : Госиздат, 1928.
3. Бараи П.Э., Антоновский А.Ю. Радикальная наука. Способны ли ученые на общественный протест // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55, № 2. С. 18–33.
4. Столярова О.Е. Научный реализм и идея перформативности // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55, № 2. С. 42–48.
5. Тухватулина Л.А. Парадокс Мертона-Поппера и в свете «материализации» рациональности в науке // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55, № 2. С. 49–52.
6. Луман Н. Эволюция науки // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 52, № 2. С. 215–233.
7. Hull D.L. The Metaphysics of Evolution. Albany : SUNY Press, 1989.
8. Weber M. Gesamtausgabe. Tuebingen : Moch Siebeck, 1992. Vol. 17. Wissenschaft als Beruf.
9. Антоновский А.Ю., Бараи П.Э. Наука Макса Вебера: рецепция и перспективы // Эпистемология и философия науки. Т. 55, № 4. С. 174–188.
10. Касавин И.Т. Нормы познания и познание норм // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 54, № 4. Р. 8–19.
11. Luhmann N. Wissenschaft der Gesellschaft. Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1990. 732 S.
12. Шлейермахер Ф. Фрагмент из работы «Нечаянные мысли о духе немецких университетов» // Epistemology & Philosophy of Science. 2018. Т. 55, № 1. С. 215–235.
13. Stichweh R. Wissenschaft, Universität, Professionen. Soziologische Analysen. Bielefeld, 2013.

Alexander Yu. Antonovskiy, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

Email: antonovski@iph.ras.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 55. pp. 271–278.

DOI: 10.17223/1998863X/55/29

FEAR SCIENCE BRINGING GIFTS

Keywords: ethics of science; history of science; scientific community; science as profession and vocation; gift; scientific communication.

Moralization in the field of scientific activity and its submission to universal morality contradict the flagrant facts of scientists' indifference to moral standards. Even "worthy" scientists are no exception in this regard. We recall Louis Pasteur's proposal to test rabies vaccines in those sentenced to death and Pavlov's experiments on street children. Inside science, "incorrect borrowing" is a far greater sin and is more dangerous for the reproduction of the scientific community than a contradiction with the so-called universal morality, on which society itself does not agree today. Universal morality is simply incompatible with a whole host of "corporate ethics" as codes of isolated communicative systems. If there are any unifying values that can act as conditions of social consensus in a differentiated society, then this is rather a strategy of non-interference in other people's affairs. Science does not interfere in the affairs of religion with its rational justification of religious ontology, and politics does

not interfere in science with its distinctions between the “proletarian sciences” and the “corrupt girls of imperialism”. Universal morality as applied within science acts as corporate ethics, not as the one mythically affirmed by sacred forces. The obvious “comprehensiveness” of the ethics of science compels us to abandon the idea of affirming the mythical foundation for the legitimation of science based on its hypothetical “transcendence”. Such an appeal to the cognitive resources of mythological consciousness, including, first of all, the ban on questioning, on analytical and comparative methodology, raises doubts about their productivity and persuasiveness. Of course, if one adheres to the mythical justification of the authority of science, then this entire procedure would end with a reference to the corresponding arche (or origo), i.e. to a certain institution that laid the foundation for a particular order of nature. But the resources and self-justification of science are far from exhausted, are not they? Why not use scientific rationality itself, the resources of critical discourse and comparative analysis in order to legitimize science?

References

1. Jougla, A. (2015) *Profession: animal de laboratoire*. Paris: [s.n.].
2. Yushchenko, A.A. (1928) *Uslovnye refleksy rebenka. Opyt izucheniya fiziologii bol'shikh polushariy rebenka sekretorno-dvigatel'nym metodom* [Conditioned reflexes of the child. Experience in studying the physiology of the baby's large hemispheres using the secretory-motor method]. Moscow: Gosizdat.
3. Barash, R. & Antonovski, A. (2018) Radical science. Are the scientists capable of social protest? *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 55(2). pp. 18–33. (In Russian).
4. Stoliarova, O. (2018) Scientific activism and the idea of performativity. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 55(2). pp. 42–48. (In Russian).
5. Tukhvatulina, L. (2018) Merton-Popper's paradox and the substantive rationality of science. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 55(2). pp. 49–52. (In Russian).
6. Luhmann, N. (2017) Evolution of Science. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 52(2). pp. 215–233. (In Russian).
7. Hull, D.L. (1989) *The Metaphysics of Evolution*. SUNY Press, Albany.
8. Weber, M. (1992) *Gesamtausgabe*. Vol. 17. Tuebingen: [s.n.].
9. Antonovski, A.Yu. & Barash, R.E. (2018) Max Weber on science: Reception and perspectives. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 55(4). pp. 174–188. (In Russian). DOI: 10.5840/eps201855475
10. Kasavin, I.T. (2017) Norms in Cognition and Cognition of Norms. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 54(4). pp. 8–19. DOI: 10.3389/fpsyg.2014.01528
11. Luhmann, N. (1990) *Wissenschaft der Gesellschaft*. Suhrkamp.
12. Antonovski, A. & Schleiermacher, F. (2018) Fragment from “Gelegentliche Gedanken über den Universitäten in Deutschland. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 55(1). pp. 215–235.
13. Stichweh, R. (2013) *Wissenschaft, Universität, Professionen. Soziologische Analysen*. Bielefeld: [s.n.].